

Едва Чэнь Шучжи успел отказать, как Лян Хуань потянул его за руку и, обращаясь к хозяйке заведения, с улыбкой сказал:

— Отведите нас в уединённую комнату и подайте ваши лучшие блюда и вино!

Так Чэнь Шучжи оказался втянут в Подворье Юнчжоу. В уединённой комнате стоял круглый стол, и он собирался сесть напротив Лян Хуаня, но тот сразу же переместился к нему рядом.

— Вам не нужно так поступать... — Чэнь Шучжи отвернулся, избегая его взгляда.

Если бы это было раньше, он, возможно, прямо сказал бы Лян Хуаню, что такие действия бесполезны, и что он не станет испытывать к нему никаких чувств из-за его неуклюжих попыток угодить. Но после вчерашнего дня его сердце переполняла жалость. Все живут нелегко, и если такие бессмысленные действия могут доставить Лян Хуаню радость, пусть будет так. В конце концов, это не так уж и раздражает.

— Я говорил, что буду с тобой, и это не просто слова. Пока ты не поправишься, я всегда буду рядом. — Лян Хуань открыл бутылку драгоценного синего вина, налил бокал и поднёс его к его губам. — Попробуй, это вино из Царства Чадо. Крепкое ли?

Чэнь Шучжи взял бокал и выпил. Крепости в нём не было и следа, оно было сладковатым, как кисло-сладкий суп. Он знал, что его не свалит даже тысяча бокалов, тем более такое лёгкое вино, поэтому без колебаний выпил ещё два.

После этого он опустил голову, полностью игнорируя человека рядом.

Лян Хуань положил руки на его плечи, развернул его к себе и, глядя прямо в глаза, серьёзно спросил:

— Ты чувствуешь себя неловко или действительно не хочешь меня видеть?

— Если ты не хочешь меня видеть, я уйду и вернусь, когда тебе станет лучше.

Он и сам не знал, откуда взялась у него смелость задать такой вопрос. Вопрос, ответ на который может принести горе, лучше было бы оставить без ответа.

Однако Чэнь Шучжи, не задумываясь, ответил:

— Конечно, я чувствую себя неловко. У вас есть важные дела, как вы можете всё время проводить со мной в таких пустяках?

Лян Хуань рассмеялся, и его смех был глуповатым. Он получил желаемый ответ и, с лёгкой долей смущения, положил наполненный бокал в руку Чэнь Шучжи:

— Ты и есть моё важное дело. Что может быть важнее тебя?

Чэнь Шучжи, хотя и выпил вино, понял, что слова Лян Хуаня не несли ничего хорошего.

Он закусил вино несколькими кусками жирного мяса, которые Лян Хуань положил ему в тарелку, и вдруг почувствовал лёгкое головокружение. Он не понимал, почему это происходит. Вино было лёгким, а его выносливость к алкоголю была необычайной. Как могло быть, что он так быстро почувствовал эффект?

Он не хотел сдаваться и продолжал пить бокал за бокалом. Если хочешь утопить горе в вине,

сначала нужно выпить достаточно.

Вино развязало ему язык, и он вдруг произнёс:

— Ваше Величество, вы, должно быть, уже знаете, что войска Чадо дошли до уезда Хуайюань, и почти половина Юнчжоу уже...

Лян Хуань не ожидал, что он заговорит об этом. Он, конечно, знал, куда дошли войска Чадо, но не задавал лишних вопросов, так как у него не было лучшего решения, кроме как полагаться на Е Тиншу.

Но теперь родина и семья Чэнь Шучжи тоже оказались вовлечены...

— Это моя вина, — пробормотал Лян Хуань.

— Как это может быть ваша вина? — Чэнь Шучжи повернулся к нему и серьёзно посмотрел. — Винить нужно тех проклятых людей из Чадо.

Услышав это, Лян Хуань ответил:

— Люди Чадо воинственны и амбициозны, они не раз нарушали границы Дапина. К сожалению, Е Тиншу уже стар и не может сражаться. Все войска Дапина вместе не сравнятся с его армией в сто тысяч человек...

Чэнь Шучжи чувствовал, что его разум начинает отказывать, он не понимал, о чём говорит Лян Хуань, и в итоге произнёс что-то непонятное:

— Ваше Величество, отомстите за мою сестру, пожалуйста.

Лян Хуаню показалось, что Чэнь Шучжи никогда не говорил ничего настолько детского, как будто он капризничал перед ним. Он знал, что тот слегка опьянел, но всё же отнёсся к его просьбе серьёзно.

Он хотел что-то ответить, но не мог дать такого обещания. Он не знал, смогут ли войска Дапина изгнать людей Чадо. Если они не смогут, он дожждётся, когда Е Тиншу скажет, что больше не может сражаться, и тогда он пойдёт на переговоры с Чадо.

В конце концов, это всё, на что он способен, и всё, на что способно это государство.

Но только сейчас он осознал, что это дом Чэнь Шучжи. Если его захватят люди Чадо, он останется без крова.

Не получив ответа, Чэнь Шучжи не стал настаивать на этой теме и продолжил пить. Вскоре он уже лежал на столе, но упрямо считал, что вино было лёгким и не могло его опьянить.

— Когда мне было тринадцать лет, однажды утром я проснулся и обнаружил, что моей матери нет. Я и Сяньэр обыскали весь дом, всю деревню, но не нашли ни следа матери...

Его разум был охвачен хаосом, и горе переполняло его. Он чувствовал, что слова, которые он произносил, уже не подчинялись ему.

Лян Хуань заметил его эмоции, подошёл ближе, взял его руку и пристально посмотрел на него.

— Мой отец плохо ко мне относился, а мать ушла. Когда мы не смогли её найти, Сяньэр

серьёзно сказала мне, что она тоже моя родственница, и что теперь она будет заботиться обо мне.

— Если Сяньэр действительно уйдёт... тогда у меня в этом мире не останется никого, я буду одиноким и никому не нужным. Никто не будет обо мне заботиться, никто не будет думать обо мне, жить будет не для кого...

Он говорил всё более печально, слёзы текли по его лицу, и он уткнулся головой в руки.

Сердце Лян Хуаня сжалось. Он придвинул стул ближе, обнял его за талию, положил голову на его плечо и тихо прошептал на ухо:

— Позволь мне стать твоим родственником, хорошо?

— Ты? — Чэнь Шучжи повернулся к нему, его взгляд был мутным. Вино разрушило его сознание, он даже забыл, кто стоит перед ним, и мог лишь ощущать слабые эмоции, связанные с этим человеком.

Лян Хуань понимал, что сейчас Чэнь Шучжи, вероятно, ничего не понимает и не слушает, но если упустить этот момент, то некоторые слова будет трудно произнести позже.

Поддавшись порыву, Лян Хуань взял его лицо в руки и поцеловал слёзы в уголках его глаз:

— Я буду заботиться о тебе, думать о тебе, переживать за тебя. Тебе не нужно жить ради меня, я просто хочу быть рядом с тобой и видеть, как ты живёшь хорошо...

Не успел он закончить, как Чэнь Шучжи резко оттолкнул его, и Лян Хуань ударился о спинку стула.

Чэнь Шучжи с ненавистью смотрел на него, указывая пальцем и сквозь зубы произнёс:

— Линь Вэйян, ты мерзавец!

Его голос был настолько громким, что его услышали даже в главном зале.

Хозяйка, обеспокоенная, подошла к двери, чтобы посмотреть, что происходит, и услышала, как Чэнь Шучжи невнятно кричал:

— Ты ещё смеешь это говорить? У тебя хватает наглости! Тогда ты тоже меня обманул! И что из этого вышло? Ты выполнил хоть одно слово из того, что обещал? Одного раза было мало, и теперь ты снова целыми днями пристаёшь ко мне, думаешь, я снова попадусь на твою уловку? Я просто пожалел тебя несколько дней, неужели я тебе должен в прошлой жизни?

— Линь Вэйян, ты — лицемерный зверь, бесстыдный, бесчеловечный, бессовестный...

Много ругательств скопилось у него в груди, но он не мог их высказать. Затем, поддавшись сильному гневу, он внезапно встал перед Лян Хуанем и ударил его по лицу.

Лян Хуань был ошеломлён. Удар Чэнь Шучжи не был сильным, но он никогда не видел его таким и никогда не слышал от него таких слов.

Эти слова, вероятно, он уже много раз повторял в своём сердце. Просто он не мог сказать их в лицо, не мог высказать их в трезвом уме, поэтому они копились внутри.

Неужели он так ненавидит его? Наверное, да. Какие чувства он испытывал тогда, Лян Хуань уже не мог понять. Как он, такой поверхностный человек, мог знать, как глубоко он ранил его тогда. Он много раз извинялся перед ним, пытался угодить ему, но всё было бесполезно. Именно из-за той ненависти, которую он сейчас выплеснул.

Думая об этом, Лян Хуань схватил его руку, указывающую на него, и прижал её к своей щеке, дрожащим голосом сказал:

— Бей меня, если ты злишься на меня. Я предал тебя, я заслуживаю этого!

Чэнь Шучжи долго смотрел на него, затем отнял руку, отвернулся и пробормотал:

— Я не смогу тебя ударить.

Лян Хуань: Разве я не был плохим правителем??

<http://bllate.org/book/16213/1455948>